

Кризис больших нарративов и научные войны

КРИЗИС доверия, о неизбежности которого так долго говорили мыслители-алармисты всех мастей, наступил. Причем на этот раз он, кажется, стал по-настоящему глобальным: недоверие к социальным институтам обнаруживают не только общества, поспешно записанные в «традиционные» или «авторитарные», но и те, кто еще вчера считался законодателями интеллектуальных и политических мод. А ведь совсем недавно недоверие, подобно смерти, было тем, что всегда случается с другими. Очередная «волна демократизации» обнаруживала непрочность всех этих альтернативных и незападных политических институтов, которые наивно противопоставлялись единственно верному пути модерна. Как заметил автор одной из помещенных в настоящем номере статей, все они раз за разом оказывались «колоссами на глиняных ногах»¹. Ведь они, добавим мы, демонстрировали свое бессилие перед тем, что в романтическую эпоху называлось «гением»: но вместо воспетого Франсуа Шатобрианом «гения христианства»² нам рассказывали о «гении» свободного рынка, западной демократии и просвещенного рационализма в сочетании с неолиберальным сентиментализмом. Но, похоже, их триумvirат так и не привел к концу истории. Колоссы и призраки прошлого, как и было предсказано, «хватают живых».

Недоверие рождает подозрение. Социологически значимое число избирателей в одной из «старых демократий» сомневается в честности президентских выборов. Рейтинги ведущих телеканалов и прочей традиционной прессы катастрофически снижаются. Кризис пандемии ставит под сомнение авторитет ученых. Вступаем ли мы в ту самую эпоху «постправды», которая всего за несколько лет из публицистического клише превратилась в статью обвинения и повод для «отмены»? Или же мы просто переходим от стадии отрицания к стадии принятия? Имеем ли мы право на подозрение, если считаем, что наше общество является «действенной демократией»? Еще вчера подозрение, подобно давно

1. См. перевод статьи Бруно Латура «Почему выдохлась критика? От фактов к вопросам, вызывающим озабоченность» в настоящем номере «Логоса».

2. Шатобриан Ф. Р. Гений христианства // Французская романтическая повесть. Л.: Художественная литература, 1982.

побежденным недугам из учебников медицины, было болезнью бедных, озлобленных, коррумпированных и отсталых. Сегодня оно опасно мутировало и успешно преодолевает все иммунные преграды в виде прозрачности, солидарности и рациональности. Писать об уходящей эпохе всегда проще, чем о наступающей. На исходе холодной войны Жиль Делёз заметил, что о дисциплинарном обществе можно писать именно потому, что мы в нем больше не живем³. В этом смысле подозрение является симптомом окончания недавней «эпохи доверия», отсчет которой можно вести с начала 1990-х годов, когда формировалась идеология неоллиберализма в современном виде. А она, в свою очередь, сменила предыдущую «эпоху подозрения» 1970–1980-х годов.

Именно тогда вошел в оборот термин «властители подозрения», которым пользовались Мишель Фуко⁴ и другие. Этот термин относился не только и не столько к влиянию Фридриха Ницше, Зигмунда Фрейда и Карла Маркса на современную мысль, сколько к *Zeitgeist* 1960–1970-х годов, ставших поворотным моментом в истории социальных наук, политических институтов и общей культурной атмосферы. Деконструкция больших нарративов структурализма, переформатирование политических институтов, триумф авангардного искусства над застывшими формами модерна вошли в резонанс в тот самый момент, который часто называют «глобальным маем 68-го».

Предшествующая «эпоха подозрения» с ее апокалиптическими ожиданиями политических, военных, техногенных и экологических катастроф закончилась в конце 1980-х — начале 1990-х годов, уступив место триумфальному глобалистскому оптимизму и карнавальным поминкам по концу истории. Протестное «поколение 68 года» не просто влилось в истеблишмент, но во многом сформировало новую идеологию или тот самый «новый дух капитализма», о котором на рубеже веков писали Люк Болтански и Эв Кьяпелло⁵. Первым симптомом кризиса неоллиберального порядка стало принятие «Патриотического акта» в США и «глобальная война против терроризма», объявленная Джорджем Бушем-младшим после терактов 11 сентября 2001 года. Она стала не только точкой отсчета для радикальных изменений в области внутренней безопасности США, но и причиной фактического

3. Делёз Ж. Переговоры. 1972–1990 / Пер. с фр. В. Ю. Быстрова. СПб.: Наука, 2004. С. 226.

4. Фуко М. Ницше, Фрейд, Маркс // Кентавр. 1994. № 2. С. 48–56.

5. Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма / Пер. с фр. под общ. ред. С. Фокина. М.: НЛО, 2011.

введения цензуры, а также усиления государственного контроля за политической и общественной жизнью, о которых стало известно из скандальных разоблачений агента АНБ Эдварда Сноудена.

За этим последовала серия кризисов неолиберальной экономической модели, сделавших очевидной проблему возрастающего экономического неравенства, поставившего под вопрос благосостояние и перспективы среднего класса. 2010-е годы были отмечены острым кризисом представительной демократии, приведшим к упадку многих традиционных политических партий и усилению тенденций, которые получили название «популистских». Политический кризис стал одновременно кризисом доверия как к традиционным медиа, так и к набирающим силу цифровым корпорациям, которые, под предлогом борьбы с так называемой постправдой, стали вводить все более строгие правила контроля за распространением информации. Завершающим этапом стал санитарный кризис 2020–2022 годов, в значительной мере подорвавший доверие к научным институтам, а также конфликт на Украине, поставивший под вопрос функциональность международных институтов.

Останется ли мир прежним, когда я выключу экран своего цифрового устройства? Что придет на смену доверию и солидарности? Каковы механизмы веридикции в современном обществе? Почему выдохлась критика, а скептицизм подвергается стигматизации? На этот и другие вопросы ответят материалы данного номера.

Блок начинается с различных подходов к анализу последствий нового режима подозрения для философии науки. В статье Игоря Чубарова «Кризис репрезентации экспертного знания и медицинской практики в эпоху COVID-19: казус Рауля — Агамбена» разбирается конкретный случай кризиса экспертного знания, связанный с полемикой вокруг вирулентности нового вируса и возможных способов его лечения. Публичные выступления одного из ведущих французских вирусологов Дидье Рауля, критиковавшего выбранную правительством стратегию локдаунов и всеобщей вакцинации и предлагавшего лечить ковид при помощи давно проверенного и крайне дешевого препарата от малярии, привели к массовым выступлениям в разгар пандемии и резкому падению доверия населения как к политическим, так и научным институтам. Особенностью «дела Рауля» стало то, что и после очевидной ошибочности выводов ученого относительно вирулентности вируса и эффективности предложенного им лечения,

он продолжал настаивать на своей частичной правоте даже несмотря на то, что его научная и общественная репутация была разрушена. Так, в недавно выпущенной автобиографии Рауль сравнивает себя одновременно с Наполеоном и «научными гениями», ставшими жертвами революционного террора⁶. Однако данный «казус», как показывает статья Чубарова, отнюдь не исчерпывается объяснениями *ad hominem*, связанными с мегаломанией крупного ученого, чьи заблуждения, несмотря на признание им ряда своих ошибок, имели столь серьезные последствия во время кризиса пандемии. Автор проводит параллель между лабораторным «ковид-диссидентством» Рауля и идеологическим диссидентством Джорджо Агамбена, заявлявшим о преувеличении возможного ущерба от пандемии. Статья показывает, как наиболее эффективные методы коммуникации между фундаментальной и прикладной наукой и обществом, о необходимости которых много писал Латур, могут из эффективного и демократически легитимного способа принятия политических решений стать причиной серьезной дисфункции системы.

Следующий материал — ставшая классической статья Латура «Почему критика выдохлась?» Опубликованная еще в 2004 году, она стала одним из симптомов кризиса критического направления исследований науки и технологий (STS), которое ассоциировалось с работами Латура по истории науки. Известный социолог науки Стив Фуллер в своей книге «Постправда» приравнивал ее к «белому флагу», выброшенному Латуром в научных войнах (*science wars*) вокруг социального конструирования фактов⁷. Латур, как можно убедиться из статьи, занимает куда более умеренную позицию: отчасти признавая, что его теория «производства фактов» была использована в том числе теми, кто отрицает глобальные изменения климата под воздействием антропогенных факторов, он, тем не менее, не призывает вернуться к «наивному реализму» докритического науковедения. По мнению Латура, в научных войнах не было победителей: как крайний релятивизм, так и некритический реализм модерна с его дуализмом природы и общества не позволяют принять в расчет всю сложность взаимодействия между человеческими и нечеловеческими акторами в эпоху антропоцена. Поэтому вместо устаревшего понятия «фактов» (*matters of fact*) он призывает ввести новое понятие «во-

6. Raoult D. Autobiographie. P.: Michel Lafon, 2023. P. 10.

7. Фуллер С. Постправда. Знание как борьба за власть / Пер. с англ. Д. Краlechкина. М.: ИД ВШЭ, 2021. С. 115.

просов, вызывающих озабоченность» (*matters of concern*), которое, по его мнению, поможет преодолеть дуалистический кризис модерна. Оно также позволит вылечить синдром гиперкритицизма, ведь «ревизионизм» давно превратился из изощренной интеллектуальной игры во всевозможные теории заговора, которые стали новым «опиумом для народа», при помощи которого корпорации и популистские политики манипулируют массами. Что, конечно, можно рассматривать как еще одну теорию заговора, но мы оставляем право судить об этом читателям.

В статье Сергея Шевченко «„Эгоистичный ген“ завербован. Угроза сакральному и подозрение по отношению к себе» анализируются различные социальные фобии и тревожности, связанные с технологиями редактирования генов. В ней проводится параллель между иммунополитической тревожностью в отношении геной инженерии и мотивами «поругания сакрального», классический анализ которого был предложен еще в социологии Эмиля Дюркгейма. Автор предполагает, что в биологической перспективе, выведенной за рамки сакрального, эволюция генома человека представляет собой лишь один из эпизодов эволюционно-го соревнования «эгоистичных генов».

Завершают блок сравнительно-исторические статьи «Нестабильная природа и „тьма вещей“: между европейским двоемыслием и китайским корреляционизмом» Валентина Матвеевко и «От мифа к Просвещению и обратно: как развивалась просвещенческая картина мира на примере гонений на колдунов в средневековой Англии» Александра Вилейкиса и Данияра Медетова. В статье Матвеевко проводится сравнительный анализ европейского и китайского представлений о том, что в западной традиции называется «природой». Бруно Латур в своем фундаментальном труде «Политики природы»⁸ критикует само понятие «природы» как типичную для западного модерна «ложную трансценденцию» или ложный объединяющий принцип, который не позволяет объяснить комплексное взаимодействие между человеческими и нечеловеческими акторами. Латур утверждает, что понятие «природы» в качестве противоположности «общества» является исключительным или «экзотическим» атрибутом западной культуры. Развивая эту мысль, автор статьи обращается к китайской традиции, где отношения между «природой» и социальным миром всегда рассматривались как коррелятивные. В основе подобного

8. См.: Латур Б. Политики природы. Как привить наукам демократию / Пер. с фр. Е Блинова. М.: Ад Маргинем, 2018.

образа мышления было стремление показать «связь всего сущего», не рассматривая человеческое общество как изолированную и привилегированную область бытия, а также необходимость привести социальный порядок и управление государством в соответствие с природными циклами. Критическая интерпретация китайской традиции позволяет сблизить ее с латуровским толкованием эпохи антропоцена, раскрывающим сложную динамику связей между человеческими и нечеловеческими акторами и возможность их объединения в рамках «подлинной» трансценденции в виде общего мира.

В статье Вилейкиса и Медетова преследование ведьм и колдунов в средневековой Англии анализируется с социологической точки зрения как симптом кризиса традиционного общества и религиозных институтов. В нем проявляется своеобразная «диалектика просвещения», в рамках которой дискурсивные практики прогресса обнаруживают схожесть со средневековым «магическим мышлением» и раз за разом легитимизируют новую охоту на ведьм, недавним и ярким примером которой является борьба с «троллями» как типичными акторами «постправды».

Так или иначе, когда старая критика уже «выдохлась», а новая еще не набрала обороты, подозрение может вызывать как сам «ревиизионизм», так и многочисленные попытки его стигматизировать и даже приравнять к уголовному преступлению, как это уже произошло с ревиизионизмом историческим или оправданием терроризма: список тем, общественный консенсус по которым приобретает своего рода сакральный статус, постоянно расширяется, что стало очевидно на примере ковид-диссидентства. Разумеется, конфигурация различных проблем, связанных с тем, что мы обозначили как «новую эпоху подозрения», не ограничивается вопросами, затронутыми в материалах номера. Мы не претендуем даже на то, что они являются сколь бы то ни было репрезентативными. Любая попытка составления иерархии и классификации «вопросов, вызывающих озабоченность» является крайне подозрительной. Мы всего лишь хотели проблематизировать новый статус подозрения в эпоху, когда верить нельзя никому, порой даже самому себе.

Евгений Блинов